зывает расцвет «прославленной» в духе Возрождения и нормализованной в духе классицизма русской литературной речи, Ломоносов утверждает этот расцвет, Сумароков в поздние свои годы горестно констатирует упадок ее; это движение данной темы в пределах 1730—1770-х годов довольно точно выражает подготовку русского классицизма в его теоретическом осознании, как и в его поэтической практике, и затем его быстрый спад под давлением новых предромантических идей, победно вторгавшихся в русскую литературу уже со второй половины 1760-х годов (комедии Лукина, 1765; роман «Письма Эрнеста и Доравры» Эмина, 1766).
Еще в эпистоле о русском языке 1747 года Сумароков писал:

«Довольно наш язык в себе имеет слов, Но нет довольного числа на нем писцов» «т. е. писателей» или:

> «Язык наш сладок, чист и пышен и богат; Но скупо вносим мы в него хороший склад».

Мысль о том, «что не имеем мы богатства языка» — «дика»,

«Лишь просвещение писатель дай уму, — Прекрасный наш язык способен ко всему». (Письмо «О стихотворстве»).

К семилетнему Павлу, наследнику престола, Сумароков обращается в 1761 году: «Вникай во природный свой язык, который естеством и древностию прекрасен... Учися прилежно чужим языкам, но к своему еще больше прилепляйся» («Слово Павлу Петровичу»). «Я люблю наш прекрасный язык», — писал Сумароков («К несмысленным стихотворцам»). Но в 1770-х годах он настойчиво повторяет мысль о том, что русский язык и литература гибнут, уже погибли, предав нормы 1750-х годов. «И язык наш и поэзия исчезают, а зараза пинтичества весь российский Парнасс невежественно охватила, а я истребления оному (злу) более предвидети не могу, жалея, что прекрасный наш язык гибнет» («Некоторые строфы двух авторов»); или «Что родится и произведет нашим потомкам от бесчисленных нынешних наших невежественных умствований? Все конечное нашему прекрасному языку разрушение, ежели паче чаяния сие гордое невежество многими летами продлится и великими авторами и искусными грамматистами не исторгнется» («О стопосложении»). Однако эти и подобные мрачные замечания Сумарокова, относящиеся к 1770-м годам, выходят за пределы первого периода развития русской критической мысли XVIII века; это был тщетный протест писателя, пережившего расцвет в предшествующие годы и не приемлющего новых явлений молодой литературы, обступившей его старость.

Вторая задача, стоявшая перед критикой 1730—1750-х годов, тесно связанная с первой, — это была нормализация литературы,